

Евангелие грешников

16+

Евгений Горохов

Евгений Горохов
Евангелие грешников

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Горохов Е. П.

Евангелие грешников / Е. П. Горохов — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Много искушений у Дьявола: кому богатство, кому власть. Валерию Суркову он обещал славу великого художника. Дьявол поселился в мастерской Валерия и помогает ему писать картины. Одновременно с этим в городе происходят убийства женщин. Они перед своей смертью встречались с Сурковым, а Дьявол рассказывал ему о том, что все эти женщины повинны в смерти многих людей. Постепенно Валерий стал выполнять все рекомендации Дьявола, а тот потребовал от Суркова убить невесту. Дьявол объяснил своё решение тем, что она мешает Суркову стать великим художником. Чтобы спасти свою невесту и избежать козней Дьявола, Сурков решает покончить жизнь самоубийством, выбросившись из окна четырнадцатого этажа. При этом Дьявол издевается над ним, сравнивая Валерия с Иисусом Христом на горе Искушения.

Содержание

1. Горесть для души	6
2. Пляшут бесы	11
3. Бог далеко, а жизнь близко	18
4. Блаженны плачущие	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Горохов

Евангелие грешников

Посвящается моей жене Ольге, в результате философско – религиозных бесед с которой, родился замысел этой книги.

1. Горесть для души

Серые облака заволокли небо, не давая пробиться солнечным лучам. Снег, смешавшийся с грязью, кашей лежал на дороге. Картина зимнего слякотного утра вгоняла в тоску, а учитывая муки похмелья, было совсем мерзко. В душе занозой саднило мучительное предчувствие беды. Вселенская скорбь рвала сердце, и хотелось повеситься, но боязнь перед невыносимой болью от ломаемых шейных позвонков, которую испытаете в последний миг жизни, да ещё сидящая где-то в самом потаённом уголке мозга мысль, и о том, что самоубийство – это грех, останавливает от шага в петлю. Однако нет сил, выносить эти муки. Хочется закрыть глаза, и считать всё страшным сном. Но лежи, сколько хочешь с закрытыми глазами, а этот ужасный мир всё равно останется с тобой. К тому же мучает сильная жажда, поэтому вставать всё же придётся.

С высоты четырнадцатого этажа, люди, бредущие по своим делам, казались меньше голубей, которые стройными рядами сидели на крыше соседней пятиэтажки.

«Ждут сволочи!» – с ненавистью глядя на птиц, подумал Валерий Сурков.

Среди пустых водочных бутылок в обилии стоящих на столе и валяющихся в углу комнаты, он поискал минеральную воду, но кроме пустой пластиковой тары ничего не нашёл. Вздохнув, поплёлся на кухню, заливать похмельный пожар, водой из-под крана. Он пил и представлял, как душа его, истрескавшаяся, словно земля под палящим солнцем, получает живительную влагу.

Когда вернулся в комнату, голуби сорвались с крыши, огромной стаей, описав круг между пятиэтажкой и его домом, улетели. Валерий знал, что ровно в полдень приходит сердобольная старушка с тележкой, в которой лежат пакеты с пшеном, и кормит окрестных птиц.

Два дня назад, пьяненький Валерий, возвращаясь из магазина с бутылкой водки, попал в эпицентр этой голубиной стаи. Ему казалось, что несущиеся на него птицы, собьют с ног, на которых он и так держался не слишком уверенно из-за двухнедельного запоя.

Окинув взглядом разгром в студии: валяющиеся всюду бутылки, грязную посуду на столе, раскиданную по полу одежду, Валерий подумал, что надо бы прибраться, да сил на это не было. Он лишь открыл окно, что бы хоть немного проветрить комнату. Включил компьютер и вставил диск, на котором была проповедь какого-то нарколога. Диск этот подарил приятель, уверявший, что после этой лекции он тут же бросил пить. С Сурковым такого чуда не произошло, может потому что он так и не удосужился прослушать до конца нравоученья этого кудесника от наркологии. Стоило ему опохмелиться, как в душе разливалась благодать и умиротворение, унылая, чёрно-серая жизнь, превращалась в картину с яркими красками, и пропадало желание слушать бредни о трезвости. Но сегодня опохмелиться было нечем, так как Валерий решил перебороть похмелье насухо, вот и выпал шанс дослушать чудо-нарколога до конца.

– Человек сам не замечает того, как становится рабом водки и пива, – соловьём заливался нарколог, – он пьёт с радости и горя, по поводу и без повода. В Ветхом Завете сказано: «Горесть для души – вино, когда пьют его при раздражении и ссоре»...

«Да уж, горесть для души», – согласился Валерий и поплёлся на кухню, заваривать чай. В голове шумело, а тело ныло, словно его прокрутили в барабане стиральной машины.

Запоем Сурков пил примерно год, сам не заметив, как дружественные посиделки с друзьями-художниками, превратились в пьянку в одиночку. Хотя нет, рубеж всё же был! Это выставка в Манеже Санкт-Петербурга под названием «Не Москва», которая состоялась в прошлом году. С помощью однокурсников по Сурку¹, ему удалось выставить там несколько своих работ. Рядом с его картинами висели работы художника из Краснодара Константина Лупанова, тот писал в жанре портрета, в классическом стиле. Лёгкие, простенькие сюжеты, написаны

¹ Сурок – сленговое наименование Московского художественного института имени В.И.Сурикова.

маслом. Но в этих незатейливых картинах, сквозил сарказм. Сочетание красок и лёгкость художественного мазка поразили Валерия.

Картины Суркова на выставке получили хвалебные отзывы, ему даже удалось продать одну свою работу, но главное, что тогда привёз Валерий из Санкт-Петербурга, это убеждение – он не Художник, а маляр. После чего запил по-чёрному, избегая своих приятелей-художников. Пил один, в своей квартире на четырнадцатом этаже, которая одновременно служила ему и студией.

Валерий глотал горячий чай, наслаждаясь его терпким ароматом, пил без сахара, только так можно по достоинству оценить вкус чая. В комнате, служившей ему спальней, раздалась мелодия Эннио Марриконе к фильму «Профессионал». Лет десять назад, её в качестве рингтона на сотовом телефоне использовали все. Вскоре мода на Марриконе прошла, но Валерий меняя телефоны, неизменно оставлял «Профессионала» в качестве мелодии.

Двигаться Суркову не хотелось, но телефон был настойчив, поставив чашку на стол, он пошёл в спальню. С трудом нашёл айфон на кровати под подушкой. Звонила Полина Левина, директор ресторана «Канцлер», шустрая, красивая, сорокалетняя бабёнка.

В девяностые годы, Полина была любовницей одного криминального авторитета, его посадили, а освободившись лет десять назад, он стал успешным и богатым бизнесменом. Открыл в городе сеть гостиниц и ресторанов. Управлять одним из своих ресторанов поставил Полину.

Валерий познакомился с ней на какой-то выставке художников. Месяц назад, перемещаясь с приятелем по барам и ресторанам, они забрели в «Канцлер». Сурков тогда был изрядно навеселе, Полина завела с ним разговор о том, что хочет украсить один из залов своего ресторана копиями картин известных художников. Валерий пообещал ей изготовить их, и прямо тогда взял задаток за работу, а спустя некоторое время, ушёл в глухой запой.

– Слушаю, – сказал Сурков.

– Ну, наконец-то соизволил отозваться, – раздался в трубке ворчливый голос Полины, – чувствую по голосу, трезвый. Ты не забыл, что через четыре дня должен принести мне обещанные копии картин?

– Я помню, – кивнул Валерий. Он посмотрел на настенные часы: – Во сколько подъехать к тебе?

– Давай к часу.

– Хорошо, – Валерий отключил телефон и кинул его на кровать.

«Четыре дня, – стал размышлять он, – если не спать, то успею намалевать».

Он пошёл в прихожую и стал одеваться.

«Следует определиться с финансами, – решил Валерий, выворачивая карманы куртки. Пересчитав наличность, вздохнул: – Не густо! Ну что ж, накуплю лапши «Доширак» и начну писать. Художник должен работать голодным, тогда он становится злее и острее воспринимает этот мир».

Что бы немного развеяться, Валерий направился в магазин, который располагался далеко от дома. Шёл снег и сразу таял, превращаясь в грязную хлябь под ногами. Сырой ветер, налетавший порывами, добавлял мерзости в унылый день. Наверно по этой причине, прохожие хмуро смотрели друг на друга, словно желая вцепиться в глотку своему ближнему. Лишь бестолковые воробьи, устроили весёлую свару из-за хлебной корочки. Своим беззаботным чириканьем они оживляли этот мрачный и злой мир. Глупые птицы, им не нужно заботиться о своём пропитании и нарисовать три картины за три дня!

Размышляя о несовершенстве мироздания, Валерий огибал очередную лужу. Он не обратил внимание на остановившуюся рядом «Ауди S8».

– Сурков, Валера! – позвал его лощёный субъект, вышедший из автомобиля.

Приглядевшись, он узнал своего бывшего одногруппника Сашку Гавринёва, поздоровался с ним:

– Вот уж не ожидал тебя увидеть в наших краях, ты ведь теперь птица высокого полёта.

– Пути чиновника неисповедимы, – развёл руками, Гавринёв. Он обнял Валерия: – Ты-то как?

Внимательно посмотрев на друга, продолжил:

– Извини за откровенность, но выглядишь неважно.

– Чувствую себя так же.

– Что так?

– Муки творчества, – махнул рукой Валерий.

– Понятно, – улыбнулся Сашка, – рефлексия талантливого художника на фоне запоев, и страдания гения вызванные алкогольным абстинентным синдромом.

– Слишком заумно и длинно, но в точку.

– Вот что друг мой, давай посидим где-нибудь, поговорим по душам, – Гавринёв взял Валерия за локоть.

– Откровенно говоря, совсем нет времени, а главное денег, – виновато улыбнулся Сурков.

– Деньги конечно в нашей жизни важны, но они не всё решают, – кивнул Александр. Он подтолкнул Суркова к машине: – Садись!

В салоне представительского авто, он продолжил:

– Что касается времени, то всегда успевает тот, кто никуда не спешит.

Ресторан, в который Александр привёз Суркова, был роскошным и дорогим. Здесь не подавали бизнес-ланчей, потому, в обеденное время они оказались в зале единственными посетителями.

– В виду того, что ты ограничен во времени, и во избежание очередного запоя, крепкого спиртного мы пить не будем, обойдёмся шампанским, этот божественный напиток придаст тебе бодрости, – решил Гавринёв и сделал заказ официанту.

После бокала шампанского, хмарь на душе у Валерия выветрилась, кошки, что скреблись там всё утро, куда-то пропали, стало хорошо и покойно.

– Понимаешь Саша, тошно от осознания того, что не художник я вовсе, а маляр, – расслабившись, начал свою исповедь Сурков.

– Маляр хорошая и востребованная профессия, – улыбнулся Гавринёв.

– Для этого можно было окончить обыкновенное профессиональное училище, а не корпеть годы в Сурке.

– Я не о тех малярах веду речь, – усмехнулся Гавринёв, – и ты прекрасно меня понял. Сотни художников рисуют картины для офисов и вот таких заведений. Они прекрасно живут и не терзают себя тем, что не Рембрандты, Кандинские или Ван Гоги. Не всем, кто наносит кистью краску на холст, дана искра таланта. В тебе Господь зажжёт её, просто тебе нужно бросить заниматься самоедством.

– Если ты не можешь сотворить гармонию цвета на холсте, тогда зачем браться за кисть?!

– А ещё ныл, что ты не художник, – рассмеялся Александр, – одна способность разглядеть прекрасное в простом смешении красок, выделяет тебя из общей массы. Ты знаешь, как должна выглядеть красота на холсте, но пока не сообразил, каким образом это отразить. Это дело времени. Преподаватели живописи в Сурке не зря прозвали тебя Суриков.

– Я Сурков, и никогда не стану Суриковым, – вздохнул Валерий.

– И не надо, – улыбнулся Сашка, – для второй «Боярыни Морозовой» в Третьяковке не найдётся места. Поверь мне, ты настоящий художник, а все твои терзания от низкой самооценки.

– Про тебя тоже преподаватели говорили, что подаёшь надежды.

– Надежды я подавал только для родителей, своей любовью к рисованию, – покачал головой Гавринёв, – они меня затолкали сначала в художественную школу, а потом в Сурку. Но там я понял, что живопись это не моё, и в этом мне повезло, иначе бы спился, терзаемый муками непонятого таланта. А так, трезво оценил свои возможности, и понял, как нужно жить.

– И что же ты решил делать, когда оценил свои возможности?

– Карьеру. Для того что бы войти в круг избранных, удачно женился, обзавёлся связями, и вот я на коне.

– Завидую тебе.

– Не нужно, – усмехнулся Сашка. Он разлил шампанское по фужерам: – В мире всё устроено рационально и справедливо. А высший принцип справедливости сформулирован ещё в Древнем Риме: «Суум куиквэ», то есть «Каждому своё»! Ползающий по земле уж, не сможет оценить красоту полёта лебеда, а взлететь самому ему не по силам, – улыбнулся Гавринёв. Он взял бокал за ножку: – Ужом в данном случае я назвал себя. Но и лебедь не сможет пресмыкаться между раскалёнными камнями, он изранится об их острые углы.

Александр провозгласил тост:

– За лебеда, то есть за тебя.

– А ты не слишком принижаешь себя, сравнивая с ужом?

– Ничуть, – улыбнулся Сашка, – трезвая оценка своих возможностей, одно из немногих моих достоинств. Вот ты себя недооцениваешь и это нужно исправлять.

Гавринёв достал из внутреннего кармана пиджака портмоне, извлёк из него две банкноты по сто долларов и визитную карточку. На ней, он шариковой ручкой написал номер телефона.

– Держи, – протянул он деньги и визитку Суркову.

– Что это?!

– Телефон моего личного психолога, а деньги, это её гонорар за работу с тобой.

– Зачем мне психолог?!

– Поднимать твою самооценку. Три года назад, после развода с моей благоверной, бывший тесть, постарался мне напакостить, поломав карьеру. Должен признаться, что это у него почти получилось. Я оказался в этом городе без всяких перспектив. Был в таком же состоянии, как и ты сейчас. Нашёлся добрый друг, дал номер телефона этой божественной девушки и деньги. Она сотворила со мной чудо, я воскрес словно птица Феникс!

Валерий послушался совета Гавринёва, и вечером пошёл к его психологу, оказавшейся очаровательным созданием по имени Виктория.

Полчаса он отмыкал у неё в ванне с экстрактом морской соли, хвои и лаванды, а потом был ужин при свечах, немного вина и беседа с человеком, понимающим твою мечущуюся душу.

– Меня зовут Виктория, я твоя Победа, – шептала девушка в постели, целуя Суркова, – только женщина способна встряхнуть мужчину и заставить его совершать поступки. Я принесу тебе удачу, ты верь мне.

Он ушёл от Виктории далеко за полночь, и всю дорогу, пока ехал домой думал о ней.

«Психолог, – усмехнулся он, вспомнив, как Викторию рекомендовал Сашка Гавринёв, – во всяком случае, назвать её обычной проституткой тоже нельзя».

Валерий стоял на светофоре, и когда тот призывно засветил зелёным огоньком, поехал дальше, продолжая размышлять:

«Пожалуй, Сашка прав, она психолог. Во всяком случае, меня она подняла и дала сил идти вперёд».

Приехав домой, он из любопытства, сел за компьютер, влез в интернет и просмотрел сайт с фотографиями проституток – Виктории там не было. Что-то было такое в этой девушке, что цепляло за душу, заставляя постоянно думать о ней. Он пытался, но так и не смог себе объяс-

нить: что? Красивая, точёная фигура, это да, но тысячи барышень имеют стройное тело. Милое личико, но есть сотни более привлекательных девушек. Однако они не западают в сердце, и забываешь о них, как только перестаёшь видеть. Долго Валерий думал, что же в Виктории есть такого, чего нет у остальных представительниц прекрасного пола, пока не вспомнил, что ему ещё нужно работать над заказом Полины. Он принялся просматривать картины в альбомах живописи, и размышлять, с какой из них писать копию.

Непонятно почему, в мозгу Валерия вертелось имя художника Франсиско Гойя, он особое внимание уделил его картинам, и выбрал «Портрет Исабель Кобос де Порсель».

«Почему я прицепился именно к Франсиско Гойя!» – удивлялся своему выбору Валерий. Ему никогда не нравилась его мрачноватая манера, однако портрет Исабель «зацепил» его. Сурков набросал карандашом на холсте контуры женщины, и отошёл на несколько шагов в сторону. Тут же опустились руки: кто он такой, что бы равняться с Гойя?!

«Ну чего ты встал, это же всего лишь копия?!» – раздался у него в голове, незнакомый голос.

«Я боюсь», – признался Валерий.

«Ерунда! Обычный заказ, а свой шедевр ты сотворишь чуть позднее, сразу после завершения этой копии, – отмахнулся голос. Он скомандовал: – Начинай смешивать краски, начни с охры и добавь чуть вермильона».

Под руководством внутреннего голоса, работа у Суркова шла очень быстро. Закончив писать портрет, он изумился: как великолепно у него получилось!

«Хватит восторгаться! Всё равно это всего лишь копия. Тебе пора творить собственный шедевр. Взгляни в окно!»

Рисуя портрет Исабель, он и не заметил, как разгулялась непогода: шёл мокрый снег, сильный ветер лепил его в окно. Обычная картина.

«Ну и что здесь такого?! – не понял Валерий.

«Олух! Пробуди свой разум и взгляни ещё раз!» – разозлился голос.

Валерий снова посмотрел в окно: снег на стекле, до конца не растаявший, сложил причудливый узор из снежинок, а потёки воды, преломляли свет от фонарей и светофоров. Фоном вдали были размытые очертания города, и чёрное небо плавно переходило в светло-серые тона.

«Как красиво!» – ахнул Валерий.

«Закрепи холст на мольберте, и начнём», – велел голос.

Работалось легко и вдохновлённо, Валерий не замечал, как день сменила ночь, а потом опять был день. Прерывался он лишь для того, что бы перекусить. Уплетая лапшу «Доширак», он с различных ракурсов рассматривал свою картину, понимая, что никогда ещё не писал так роскошно.

«Назовём её «Ночь в городе»», – предложил голос.

– Пожалуй, – вслух согласился Сурков.

«Раз возражений нет, продолжим выполнять заказ, – решил голос, – предлагаю сделать копии картин Огюста Ренуара «Большие купальщицы» и Густава Моро «Галатея». В зале ресторана Полины, на стене, между окон, картины разметить в следующем порядке: «Портрет Исабель де Порсель» слева, ближе к стене «Галатею», а там где больше света «Купальщиц». В зависимости от освещённости, будет отличный переход по цветовой гамме».

Валерий рисовал без сна, почти трое суток, покончив с заказом, он без сил упал на софу прямо в студии, и провалился в забытье.

Разбудил его сотовый телефон, звонила Полина.

– Мы договаривались, что в час дня ты привезёшь мне картины, – напомнила она, – время уже половина второго, а тебя нет.

– Извини, проспал, работал всю ночь над твоим заказом. Через два часа буду у тебя с картинами, – Валерий положил телефон на журнальный столик и пошёл умываться.

2. Пляшут бесы

Полина пришла в восторг от картин.

– Я знала, что талантлив, – заявила она, – без преувеличения можно сказать, ты гений, но пьянство погубит тебя. Водка уьёт в тебе силы и талант.

– Гений отличается от обычных людей своим сумасшествием, – улыбнулся Валерий, у него было отличное настроение, в такие минуты ему хотелось петь или философствовать. Для пения была неподходящая атмосфера, и он принялся разглагольствовать: – Художник должен замечать необычное в обыденных вещах, а трезвому взгляду такое не по силам.

– Послушать тебя, так все художники алкаши, у меня много знакомых среди вашего брата, они нормальные, трезвые люди.

– Но не все гении, – рассмеялся Сурков.

– Болтун, – отмахнулась Полина.

– В самом деле, что-то я стал говорлив, – согласился Валерий. Он подошёл к стене: – Портрет Изабель Порсель предлагаю повесить здесь, в центре.

Валерий приложил картину к стене между окон:

– Слева лучше разместить «Галатею», – он приложил к месту развёрнутый холст, потом кивнул в сторону, – а тут, в светлом углу, следует повесить «Купальщиц». Получается плавный переход по тональности, с учётом естественного освещения и света ламп в зале.

– Да пожалуй, именно так и нужно сделать, – задумчиво согласилась Полина. Она набрала номер на своём смартфоне: – Здравствуй Анатолий, мне привезли картины. Приезжай немедленно иними размеры для рам под них.

Положив сотовый телефон на стойку бара, она взяла в руки картину «Портрет Изабель де Порсель», с минуту смотрела, а потом сказала:

– Я видела эту картину Гойя в «Национальной галерее» в Лондоне, – рассмеявшись, заметила, – если сделать на ней кракелюр², то можно заявлять, что это подлинник. Тебе очень точно удалось подобрать цветовую палитру.

– Ты же сама сказала, что я талантлив, – пожал плечами Сурков.

– Теперь неплохо было бы что-то сюда повесить, – Полина подошла к стене отделяющей зал ресторана от вестибюля.

«Здесь хороши будут «Всадница» Брюллова, «Неизвестная» Крамского и «Русская Венера» Кустодиева, – внёс свою лепту голос в голове у Суркова, – возле бара отлично подойдёт копия «Тайной вечери» Леонардо да Винчи».

– Хорошо, – кивнул Валерий, – я уже знаю копии, каких картин должны висеть здесь.

– Сколько времени будешь выполнять заказ?

– Неделю.

– Тогда получи аванс, – Полина подошла к кассе бара.

После ухода Валерия Суркова, она принялась наводить порядок в своём заведении. Шеф-повар «Канцлера» Ованес Хачатурян, которого в интернете на рекламном сайте ресторана окрестили итальянцем Овидайо д' Омацо, прозвал эти придирки «ежедневный тренаж». Полина без конца ко всем цеплялась: официанток по несколько раз заставляла перетирать посуду, уборщиц перемывать залы, при этом она ворчала, постоянно высказывая претензии персоналу. Натешившись вволю, Полина закрывалась в своём кабинете. Подруга, Маринка Ведяева, несколько раз наблюдавшая такие сцены, заметила:

«Это от скудной половой жизни. Заведи себе молодого жеребца, он мигом угомонит тебя».

² Кракелюр – трещины на красочном слое в произведении живописи или на другом лакокрасочном покрытии.

«Кому чего, а лысому расчёска, – поморщилась Полина, – все разговоры у тебя только о сексе».

« Нравится мне это дело», – улыбнулась Ведяева.

Маринка с девятилетнего возраста, флиртвала с мужчинами. Её мамаша – дама игривого характера приводила любовников домой. Квартира однокомнатная, и что бы дочь ни мешала адюльтеру, мамаша выпроваживала Маринку из дома. Сидя в тёмном дворе, и разглядывая окна своей квартиры, девочка мечтала, о том, как она вырастит, и приведёт своего любовника домой, выставив мамашу на улицу. Её мечтам не суждено было сбыться. Мать застрелил ревнивый любовник, когда Маринке было двенадцать лет. Воспитывала её бабушка.

Полина дружила с Маринкой Ведяевой с первого класса – практически всю жизнь. Это она уговорила её поступить в химико-технологический университет, уманив подругу тем, что в этом институте полно парней и мало девчонок.

Третьей школьной подругой была Регина Журавлёва, а заводилой в их компании всегда была Полина.

«В этом году тридцать три года нашей дружбе, – подумала она, стоя у окна своего кабинета.

На стоянку ресторана «Канцлер» въезжал красный «Шевроле», из которого вылезли её подруги.

«Легки на помине», – усмехнулась Полина, она вышла в зал и велела официантке накрыть стол в одном из ВИП-залов. Полина намеревалась обговорить с подругами одну свою идею. Собственно обсуждать она ничего не собиралась, потому, как всё уже решила, но ей нужна была Регина с её бойким журналистским пером.

– Васька Пирогов в городе объявился, – сообщила она подругам за обедом.

– Чем он занимается? – равнодушно поинтересовалась Регина.

Василий Пирогов был их одноклассником – тихий, стеснительный и тощий как шест. Оказалось, что он без ума влюблён в Полину, о чём сообщил ей на выпускном вечере, предвзвительно выпив для смелости стакан водки. Та зло пошутила над ним, и Васька надолго пропал со своей любовью.

– Всё такой же длинный и прыщавый? – спросила Марина, потягивая «Саперави».

– Немного оброс мясом, всё же сорок мужику, – пояснила Полина, – стал священником.

– Он всегда был каким-то пришибленным, – фыркнула Маринка, – не зря же ты прозвала его «Василий Блаженный».

– Регина, нужно, что бы ты встретилась с ним, – Полина сделала глоток вина, – он много чего может рассказать о церковной жизни.

– Что интересного может рассказать поп?! – захихикала Маринка, она налегала на «Саперави», и вино ударило ей в голову.

– Может, что и для своей книги получишь от Василия, – «закинула удочку» Полина.

Регина писала книгу об известных в городе людях: чиновниках, бизнесменах и артистах. Прыгая к ним в постель, она выведывала интимные стороны их жизни, собираясь впоследствии опубликовать всё это в книге.

«Это будет бомба!» – обещала она подругам, рассказывая о своей идее.

Зимние сумерки обволокли город, а сверху кружась, медленно падал снег, красивые снежинки не спеша опускались на землю, укрывая белым покрывалом черноту асфальта. В свете уличных фонарей, на фоне тёмного неба, блеснул ярко-жёлтый купол церкви «Успенья Богородицы».

Полину Левину нельзя было назвать верующей, она частенько подшучивала над своим любовником Алексеем Поливановым, который отбивал поклоны на молебнах в церкви, но она всегда испытывала благоговейный трепет, когда входила в храм.

Перекрестившись, Полина вошла в церковь. До вечерней литургии было не меньше часа, и народа почти не было: две постоянные прихожанки, да продавец в церковной лавке. Полина спросила его, где можно найти отца Василия, и тот указал на дверь в коридоре.

Там был небольшой кабинет с письменным столом, двумя шкафами забитыми книгами и кожаный диван. Полина пробежала взглядом по корешкам книг в шкафу, и успела прочесть: Пьер Абеляр «Диалог между философом, иудеем и христианином», Виктор Кутковой «Философский универсум православной иконы» и Фридрих Энгельс «История первоначального христианства».

Отец Василий сидел за столом, что-то набирал на клавиатуре ноутбука, как только Полина вошла в кабинет, он выключил компьютер.

– Книга атеиста Энгельса в Божьем храме, как это понимать?! – усмехнулась Левина, кивнув на книжный шкаф.

– Нужно досконально знать все доводы оппонентов, что бы правильно опровергать их, доказывая существование Божье, – отец Василий встал из-за стола.

– А ты сам-то веришь в Бога?! – криво усмехнулась Полина. Она кивнула на дверь: – Многие из вашей братии атеисты, похлеще старых, идейных большевиков.

– В Бога верую, – отец Василий потрогал крест на груди. Подумав, он вздохнул: – Я веру в людей начинаю терять.

– А конкретнее батюшка, – Полина провела рукой по корешкам книг, стоящих на полке одного из шкафов.

– Это долго.

– Я никуда не тороплюсь.

Отец Василий подошёл к окну, открыл форточку и, закулив сигарету, начал:

– После окончания медицинского училища меня сразу призвали в армию, а там учёбка и пошёл воевать в Чечню. На войне известное дело: грязь, кровь и страх, – священник стряхнул пепел с сигареты в пепельницу, иным нравилась такая жизнь, я же совсем потерялся. Но время идёт, я демобилизовался, приехал домой, а тут жизнь почище войны была, люди друг другу за деньги глотки рвут. Однажды забрёл в храм, познакомился со священником отцом Серафимом. Общась с ним, до меня дошло: в вере в Бога настоящая жизнь! Люди в грехе живут, а Церковь человеку чистоту и силу даёт. Уехал я в городок Кирилов, он находится в Вологодской области. Поступил послушником в Кирилло-Белозерский монастырь. Прожил там три года и окончательно убедился, да это настоящая жизнь.

Отец Василий затушил в пепельнице сигарету, вновь закурил и чуть тише, продолжил:

– Разволновался что-то я, повествуя тебе свою историю.

– Что было дальше? – спросила Полина.

– Три года был трудником в монастыре.

– Кто это?

– Так в монастыре зовут помощника духовного лица. Трудники работают в монастырском хозяйстве. Мне пришлось быть плотником, каменщиком и штукатуром, – отец Василий махнул рукой, – десятком профессий овладел за это время. Вставали в пять утра, молились и принимались за работу, и до самого вечера, потом молились и спать. Тяжело было работать без выходных, но мне нравилось. Следующие три года я был послушником. Перечитал за это время все духовные книги в монастырской библиотеке, а когда настало время принимать монашеский постриг, тут один из священников монастыря – отец Варфоломей, говорит мне: «Не монахом ты Василий угоден Богу, а пастырем. Ступай в духовную семинарию».

– И ты его послушал?

– Да, – кивнул священник. Он затушил окурок сигареты в пепельнице и убрал её в стол: – Поступил я в Вологодскую духовную семинарию, а окончив её, получил приход в Вологодской епархии. Что это был за приход?! Разрушенная ещё в советские времена церковь в деревушке.

В том храме ещё при колхозе зерносклад был. Нужно было всё восстанавливать. А где деньги взять?!

– Что ты стал делать?

– Здорово помог мне один старичок, прихожанин Яков Семёнович, бывший председатель колхоза, он в округе всех знал. Как говорится: «С миру по нитке – храму кирпич, цемент, доски и краска». Сам я был за каменщика, плотника штукатур и маляра. Как-то стоял на лесах, красил стену в храме, и, не удержавшись, с трёхметровой высоты свалился на бетонный пол. Тут из меня дух и вышел. Лежу без движения, а по храму, среди кирпичей и мешков с цементом, идёт Пресвятая Богородица. Подошла ко мне и говорит: «Ты сумеешь как человек, и берёшься за лёгкое!» – она обвела рукой всю стройку. Пнула ногой малярные кисти, и кричит: «Ты послан сюда для другого! Встань и иди к пастве, а не будь маляром!» После того как Богородица пропала, я встал, хоть и рухнул с высоты на бетон, но совершенно не чувствовал боли, словно на мягкую перину упал. Стал я кроме работы в храме, ещё ходить по домам прихожан, и проповедовать слово Божье. Молва обо мне по округе пошла, а Яков Семёнович опять подсутился и нашёл спонсоров. Те дали денег, и нанял я бригаду строителей. Вскоре отремонтировали храм, засиял он божьей благодатью. Отовсюду шли ко мне люди, разросся мой приход, счастлив я был, что несу слово Божье пастве.

– Неужели от того счастлив был, что слово Божье людям нёс, – рассмеялась Полина, – сам же говорил, что разросся приход, и много богатых спонсоров было у тебя. Наверное, и пожертвования большие в храм пошли.

– Не о деньгах, а о пастве были мои мысли, – сдвинул брови отец Василий. – Это только звон идёт, что священники на дорогих автомобилях разъезжают. Таких среди нас единицы, основная масса живёт небогато, а в сельских приходах, где в деревнях с десяток домов и живут одни старушки, священники и вовсе со своим многочисленным семейством бедствуют. Только и спасает их приусадебный участок, я на себе всё это испытал.

– Ты же говорил, что нашёл богатых спонсоров?!

– Да это так, с Божьей помощью и при поддержке людской, дела в моём приходе пошли неплохо, и счастлив я был долей своей.

– Чего же ты в город перебрался, если говоришь, нравилось тебе в деревне?

– Мы священники не в своей воле находимся, – вздохнул отец Василий, – Богу служим, и во всём подчинены воле архиерея. Вот меня и перевели служить в городской храм «Успенья Богородицы».

– Разве в городе хуже, чем в деревне?

– В деревне хоть я и работал во сто рук, однако был сам себе голова, а здесь служу при настоятеле, третьим пристяжным.

– Ты из-за этого разочаровался в людях?

– Служение Богу для священника везде одинаково. Тут другое дело.

– В чём именно?

– В селе священник живёт среди мирян, словно отшельник и не видится с братией своей, я имею в виду других священников. Здесь же в городе мы общаемся и от этих разговоров дух мой в смятении.

– Слышала я, что половина вашего брата и в Бога то не верит, – улыбнулась Полина. – Тебя это смущает?

– Да многие из священников в Бога не веруют, и служат чисто автоматически, – согласился отец Василий, – конечно, их не половина среди нашей братии, но значительное количество. Я их не могу осуждать, это дело совести каждого. Хотя как раз один из таких циников и бросил зёрна сомнения в душу мою.

– Он доказал тебе что Бога нет?!

– Не говорили мы с ним на эту тему, потому как знали, что бесполезно, каждый при своём мнении окажется.

– Тогда о чём же вы говорили?

– О том, что внук настоятеля храма нашего после окончания семинарии, получил мой приход, когда меня перевели в город! Вот о чём рассказал мне брат. Моими неустанными трудами, храм стал приносить приличный доход, потому меня перевели сюда, а внука настоятеля, назначили в мой приход.

– Обычное дело, – пожала плечами Полина. Она посмотрела на скорбную физиономию священника и рассмеялась: – Ты настоящий Василий Блаженный, коли, прожив четыре десятка лет, не понял, люди везде одинаковы, что священник, что мирянин.

– Но горько от такого понимания, ибо не должен пастырь поддаваться слабостям греховным подобно мирянину.

– Эх, больше бы таких людей как ты Церкви! – Полина подошла к двери, приоткрыла её и выглянула в коридор. Закрыв дверь, она продолжила: – Когда такие люди как ты, будут занимать большие должности в епархии, может и изменится что у вас в Церкви, и потянутся люди в Храмы.

– На всё воля Господня, лишь на неё уповаю.

– Ну и зря! На Бога надейся, да сам не плошай. Нужно разворошить ваш муравейник. В прошлый раз ты мне говорил, что при переводе сюда тебе обещали место настоятеля храма.

– Это всё пустые слова, – махнул рукой священник, – настоятель нашего храма отец Мефодий достаточно крепкий человек.

– Ему же семьдесят пять лет!

– Господь дал ему хорошее здоровье, и он ещё силён.

– В прошлый раз ты мне много чего про него интересного рассказал, – задумчиво произнесла Полина.

– Это от того, что обида изглодала сердце моё, – вздохнул отец Василий, – бес вселился в душу мою и поддался я искушению злословия.

– Точнее будет сказать не злословие, а критика, – Полина подошла к священнику. – Мусор не прячут в избе, рассовывая его по углам, а выносят на улицу. В доме от этого чище и людям лучше. В Церкви нужно поступать так же. Регина Журавлёва в нашем городе популярный журналист. Тебе нужно встретиться с ней и рассказать о вашем настоятеле.

– Но это же грех злословия!

– Плохо по углам шептаться и ничего не делать. Вашему настоятелю на покой пора, а он от сытного корыта оторваться не может, вот мы его и подвинем. Ты более достоин, занять место настоятеля храма «Успенья Богородицы».

– Ты так думаешь?

– Убеждена!

После ухода Полины, священник в смятении заходил по кабинету. С ним поступили несправедливо, лишив его прихода, в который он вложил душу и труд. Ладно бы это было ради дела, а так, что бы посадить на «хлебное место» внука отца Мефодия, понятно, что всё это не без его участия.

В глубине их церковного двора стоит каменный одноэтажный дом, в котором находятся кабинеты настоятеля и бухгалтера Ольги, класс церковно-приходской школы, там же есть маленькая кладовая, где хранится хозяйственный инвентарь их храма. В начале декабря прошлого года, отец Василий взял ключи от этой комнаты у церковного старосты Николая Степановича.

Отец Василий купил своим детям спортивный уголок, нужна была дрель, вот и решил он взять домой на вечер церковный инструмент. В тот день вечерняя литургия в храме закончилась, и кругом было тихо. Настоятель засиделся у себя в кабинете с бухгалтером. Вероятно,

они думали, что остались вдвоём в храме, (не считая сторожа, который здесь никак появиться не мог), потому дверь в кабинете была приоткрыта. Отец Василий ненароком подслушал разговор настоятеля с церковным бухгалтером. Дело в том, что в декабре каждого года составляется финансовый отчёт в епархию: сколько пожертвований получено, какие суммы были направлены на ремонт храма, на приобретение церковной утвари, указываются траты на церковно-приходскую школу и на православные праздники, проводимые в храме.

– Излишек между расходом и приходом за год составил два миллиона семьсот пятьдесят семь тысяч рублей, – докладывала бухгалтер.

– Непорядок это, – покачал головой отец Мефодий, – прознают в епархии и повысят нам отчисления. Ольга переделай отчёт, раскидай эти деньги на проведение православных праздников в нашей церковно-приходской школе.

– Хорошо, – кивнула Ольга. Она сделала пометку в своих бумагах, потом спросила: – Оставим излишек на счёте. Может, часть денег пустим на премии к рождеству?

– На счетах деньги оставлять нельзя! – настоятель встал из-за стола. Он закрыл форточку и повернулся к бухгалтеру: – Это у вас мирян подарки ждут от начальства. Мы божьи слуги не корыстью живём, ибо сказано в Священном Писании: «Корыстолюбивый расстроит дом свой, а ненавидящий подарки будет жить».

Отец Мефодий погладив бороду, улыбнулся:

– Бог дал единожды, а человек он же алчен в желаниях своих. Дашь ему раз, а в другой раз он уже требовать будет. Так ведь Господь сегодня дал, а завтра взял.

– Что же делать?

– Деньги со счета нужно убрать, но что бы по документам всё чисто было!

– Я понимаю, – кивнула Ольга.

Отец Мефодий рассмеялся и затряс своей бородой, потирая свои пухленькие ручки:

– Воистину Бог гордыне противится, а смиренным даёт благодать. Мишутка, внучок мой младшенький, мечтает о машине, а с просьбами своими деду не докучает. В Рождество Господне он своё двадцатилетие отмечает, подарю ему машину.

Долго потом отец Василии не мог забыть мелкий, словно бисер смех отца настоятеля и его пухленькие ручки.

«Пусть поступок настоятеля недостойный, но кто я, что бы судить его?!» – думал отец Василий после ухода Полины, стоя у книжного шкафа в своём кабинете.

«А почему ты не можешь судить его?! – раздался у него в голове незнакомый голос. Это было так неожиданно, что отец Василий в страхе оглядел кабинет, он здесь был один. Голос меж тем продолжал: – Отец Мефодий Храм Господень превратил в собственную торговую лавку. Старухи кладут рублик в церковный ящик для пожертвований не от избытка, а от скудости своей, отрывая рублик от себя. Последнюю копейку несут они в Храм. А Мефодий?! Не во славу Господа эту лепту употребляет, а на «Мерседес» внуку своему. Не по заслугам он настоятель храма. Ты же наоборот достоин места этого!»

Отец Василий встряхнул головой, прогоняя назойливый голос, и для себя решил:

«Встречусь с Региной и расскажу ей всё, должна наша Церковь очищаться от скверны!» – и мысли его понеслись в сладкие фантазии, как станет он настоятелем этого храма.

– Господи сотвори справедливость! – зашептал отец Василий, осеняя себя крестным знамением, и рисовались в голове его радужные картины.

«Доход отца настоятеля это тебе не тридцатитысячный оклад, на который нужно жить с матушкой да пятерыми детишками. Станешь настоятелем, тут же справишь матушке шубу, – возбуждённо шептал голос, – а то стыдно сказать, твоя жена Екатерина, ходит в стареньком китайском пуховике».

И тут священник с ужасом заметил, что когда размышлял о том, как купит матушке шубу, руки он потирал точно так же как отец Мефодий.

«Бес попутал!» – ужаснулся священник.

Вспомнился ему один случай из его послушнической жизни: был у него товарищ в Кирилло-Белозерском монастыре, которого звали Николай Смирнов, такой же послушник, как и он сам. Однажды Николай задал вопрос их наставнику отцу Варфоломею:

– Батюшка, вразуми! Выбрали мы с Василием служение Богу, но плоть наша бунтует, по ночам женщины сняться.

– В IV веке, – отвечал отец Варфоломей, – Макарий Египетский посетил братию в далёкой пустыньке. Проходя мимо кельи одного из монахов, увидел он множество веселящихся бесов. Монаха того, так же как вас одолевали бесы, волнуя плоть. Понял святой Макарий, что брат сей пренебрегает своими монашескими обетами и предаётся нечестивым мыслям. Макарий посоветовал этому брату читать молитвенное правило и бесы пропали. Тоже я посоветую и вам, читайте молитву дети мои и отстанут бесы.

Выскочил отец Василий из кабинета и бросился к иконе Спасителя.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твоё, – зашептал священник крестясь. Тут знакомый уже голос в голове его, интимно зашептал:

«Станешь настоятелем храма, и вознесёшь среди паствы своей славу Господу, житием, любовью и верой чистой».

С улицы через окно, проникал свет фонарей и луны, падал он на лик Иисуса Христа. Свет играл на иконе, и казалось священнику, что подмигивает ему Сын человеческий с иконы, словно заговорщику.

– Пляшут бесы, – с тоской прошептал священник.

«Почему?!» – искренне удивился голос.

Отец Василий опять оглянулся, в храме был церковный сторож Иван, задувающий свечи, но говорил явно не он. Голос меж тем продолжал вразумлять священника:

«Сказано же апостолом Павлом: «Ибо никто не имел ненависти к своей плоти, но питают и греют её». Ты будь, как все, питай и грей плоть свою, матушки и детушек».

Вышел отец Василий на крыльцо церкви. Шёл снег, подставив лицо под кружащие снежинки, подумал священник:

«Сделаю, как ты говоришь Полина».

В это время та ехала на машине и разговаривала по телефону с Региной Журавлёвой.

– Василий Блаженный согласился поговорить с тобой. Не откладывай дело, пока он не передумал.

– Хорошо, завтра с ним встречу, – пообещала Регина. – Он стоящий материал предоставит?

– Убойный! – заверила Левина.

Женщина в белом пуховике переходила перекрёсток на красный свет светофора, и Полина едва успела нажать на тормоз.

– Чёрт! – выругалась она.

– Что у тебя?

– Дура одна под колёса лезет, – Полина проводила взглядом удаляющуюся женщину в белом пуховике.

3. Бог далеко, а жизнь близко

Основатель психоанализа, австрийский учёный Зигмунд Фрейд, разобрав по полкам душу человека, утверждал, что сознание каждого индивида «хомо сапиенс» состоит из трёх уровней:

Оно – это область страстей и желаний человека, а так же страхи, выраженные в инстинкте самосохранения.

Над низменным «Оно» доминирует «Я».

Я – это разум человека. Данная ипостась воспринимает внешний мир, окружающий его. Разумное «Я» старается заменить принцип удовольствия, который бушует в страстях низменного «Оно», разумом и целесообразностью.

Над «Я» имеется надстройка – «Супер Я».

Супер Я – это принцип определяющий добро и зло. Он напоминает о необходимости соблюдать социальные заповеди. Это «Супер Я» постоянно долбит человеку в мозг: «Чти Уголовный кодекс!»

Бушуют страсти в душе человека – «Я» и «Супер Я» пытаются обуздать «Оно». В большинстве случаев это им удаётся. Есть такая наука Криминология – она изучает личность преступника и условия совершения преступлений, эта наука утверждает: как бы не были суровы законы в государстве, всегда найдётся 5% населения, которые, невзирая на самые жестокие кары, будут совершать преступления. У этих людей низменное «Оно» оседлало «Я» и «Супер Я», заявив им:

«Меня фарт воровской вывезет! Сорву куш, вколю себе героин или выпью водки, и буду пребывать в радости».

Это они режут сумки пассажиров в переполненных автобусах и потрошат квартиры у остальных 95% населения страны. Дневное время – «золотая страда» у квартирных воров, а с четырёх часов вечера, когда народ приходит с работы, начинается жаркая пора у полицейских. Звонят и приходят бедолаги – потерпевшие в отделы полиции, с заявлениями о кражах.

Городской отдел полиции «Октябрьский» ничем не отличается от тысяч таких же учреждений разбросанных по всей России. Слева от входа, помещение дежурной части, отделённое от фойе толстым оргстеклом. Заявители, сиротливо сидящие на стульях, и терпеливо ждущие, когда к ним выйдет сотрудник. Полицейские, снующие туда-сюда с угрюмыми и сосредоточенными лицами. Одним словом рядовое казённое учреждение с бездушным подходом к людям. Здесь, в пору как Диоген в древнем городе Синопе, бегать с факелом, разыскивая человека, но напрасный труд, среди работающих в этом учреждении вряд ли его найдёшь – тут нет людей, одни сотрудники.

Много бедолаг именуемых «свидетелями» и «потерпевшими», топчутся на третьем этаже отдела полиции «Октябрьский», здесь находится уголовный розыск. Кабинет начальника в самом конце коридора. На двери висит позолоченная табличка с чёрными буквами: «Начальник уголовного розыска Савельев Павел Сергеевич».

В шесть часов вечера спадает напряжение рабочего дня: решены вопросы с выделением дополнительных сотрудников в следственно – оперативные группы, наконец найден транспорт, что бы ехать на обыски, и отсижены положенные часы на совещаниях в главке. Можно немного передохнуть. В кабинете у Савельева сидит его заместитель и приятель Борька Сазонов. Они курят, пьют кофе и болтают о всякой ерунде. Зазвонил телефон внутренней связи.

– Павел Сергеевич, с вахты я, – докладывал дежурный, – тут к вам женщина просится.

– Просится, пропусти, – ответил Савельев и посмотрел на часы, до ежедневного вечернего совещания с оперативниками, есть ещё час, успеет поговорить с посетительницей.

– У неё документов нет, – продолжал полицейский, – она говорит, что по делу Прокофьева, его жена. Говорит, что хочет важное вам сказать.

– Пропусти её, – кивнул Савельев и положил трубку. Улыбнувшись, он посмотрел на своего заместителя: – Не прошло и года, как Лёвушкин запомнил моё имя-отчество.

– Не обольщайся, – махнул рукой Борис, – он, наконец, сообразил, на телефонной книге написать имена руководителей служб.

Младший сержант полиции Лёвушкин в отделе имел кличку «Дебил», таковым впрочем, и являлся. Он поступил на работу в патрульно – постовую службу, однако по причине его непроходимой глупости, с ним никто не хотел работать. Его перевели в дежурную часть камерным. Там он «терял» людей сидящих в камерах, сажал вместе подельников, несмотря на то, что опера в «рассадке»³ делали соответствующие пометки. Намучившись, его усадили на вахту. Здесь он год учился пользоваться телефонной книгой. Однако, речь вовсе не о Лёвушкине, тем более что он уже пропустил посетительницу к Савельеву.

Спустя несколько минут, после того как Павел положил трубку внутреннего телефона, к нему в кабинет без стука вошла женщина в белом пуховике.

– Здравствуй Савельев, ну как, спокойно спишь?! – сходу спросила она.

Тот обалдел от такого приветствия и ответил:

– Спасибо, не жалуюсь.

– А совесть тебя не мучает? – женщина от двери направилась к столу Савельева.

– А в чем, собственно говоря, дело?! – Павел понемногу стал приходить в себя. Он встал со стула: – Может, объясните, почему вы разговариваете со мной в таком тоне?!

– Я жена Романа Прокофьева, помнишь такого?! – спросила женщина и совсем близко подошла к Савельеву.

– Да, я прекрасно помню вашего мужа, и вас тоже. Наталья Андреевна, так, кажется, вас зовут? – ответил Павел. Указав рукой на стул, он продолжил: – Пожалуйста, успокойтесь и присядьте. Объясните, что вы хотите?

– Не хочу я сидеть рядом с тобой! – взвизгнула женщина. Она пристально посмотрела в глаза Савельеву: – Я пришла сказать тебе, что мой муж недавно умер в «зоне». Перед смертью он успел мне передать свою просьбу. Так вот, последнюю волю Романа Александровича Прокофьева погубленного тобой, я и выполняю!

Женщина подошла ещё ближе к Савельеву и плюнула ему в лицо.

– Сучка! Я тебя сейчас в камеру закатаю! – заорал вскочивший со стула Сазонов.

– Не вмешивайся Паша! – остановил его Савельев. Он достал носовой платок из внутреннего кармана пиджака, вытер лицо и бросил его в урну. Набрав полную грудь воздуха, задержал дыхание, потом спросил: – Наталья Андреевна, вы выполнили последнюю волю вашего супруга?

– Да, теперь можешь сажать меня в камеру!

– Прошу вас выйти из моего кабинета, иначе я позову сотрудников, и они выведут вас отсюда.

Женщина развернулась и выскочила в коридор.

– Сволочь уголовная! – крикнул ей вдогонку Сазонов.

Роман Прокофьев по кличке Прокоп был авторитетным «бродягой», (так величают себя преступники придерживающиеся старых воровских традиций), и имел за плечами большой тюремный «стаж» с множеством сроков. Скитаясь по лагерям и тюрьмам, он основательно растерял своё здоровье, а во время последней отсидки заработал ещё и ВИЧ.⁴

³ «Рассадка» – лист бумаги, на который, полицейский, наблюдающий за камерами (камерный), записывает фамилии людей, содержащихся в камерах. Там указывается статья административного или уголовного – процессуального кодекса, по которой человек задержан, ставится время, до которого он может содержаться в камере, и другая информация.

⁴ ВИЧ – вирус иммунодефицита человека. Ретровирус вызывающий медленно прогрессирующее заболевание: ВИЧ-инфек-

Случилось это, когда Прокоп получил пять лет общего режима за вымогательство. В «зоне» где он сидел, уголовники выбрали его смотрящим⁵. Прокоп организовал бесперебойный пронос в «зону» героина, который доставляли сами же сотрудники этого учреждения.

Есть в медицине такое понятие «период окна» – это когда человек заразился каким-то инфекционным или венерическим заболеванием, однако тесты показывают отрицательный результат. Инфицированный уже заражает других людей, но по медицинским показаниям он считается ещё здоровым. У ВИЧ-инфицированных период окна может составлять до шести месяцев. В «зону» где смотрящим был Прокоп, с этапом захал такой заключённый. Он сдал анализы на ВИЧ в следственном изоляторе, и получил отрицательный результат.

Героина в «зоне» было вдоволь, а вот со шприцами плохо, зеки кололись группами одним шприцом на всех. Когда спустя год взяли тесты на ВИЧ-инфекцию: из тысячи двухсот осужденных, находящихся в колонии, у восьмисот человек тесты оказались положительными. Прокоп вошёл в число таких «счастливчиков». Выйдя из колонии, он решил, что на воле с ВИЧ ещё можно лет десять прожить, а в «зоне» и года не протянешь.

«В «зону» мне больше нельзя», – решил он для себя.

Освободился он в ранге «положенца»⁶, и на воле мирно зажил с семьёй, собирая «грев»⁷ для «зон». По своей воровской «специальности» – квартирный вор, Прокоп уже не «работал», здоровье не позволяло. Так, приторговывал по мелочи ворованными вещами, но похитрому, не попадая в агентурные донесения информаторов уголовного розыска, которых среди криминальных личностей множество. Уголовники его по-прежнему считали «авторитетным бродягой», а это значит, что их пьяная болтовня, уходила в уголовный розыск агентурной информацией. В оперативно – розыскной картотеке Прокофьев Роман Александрович по кличке «Прокоп», числился криминальным авторитетом и лидером организованной преступной группы, а вор, как известно должен сидеть в тюрьме. Начальник криминальной милиции области генерал Малышев на каждом совещании поднимал Савельева и вопрошал:

– Когда ты, наконец, посадишь Прокопа?!

– Пока нет процессуальных оснований для ареста Прокофьева, – неизменно отвечал Павел.

Однажды Малышев вызвал Савельева и сказал:

– Проведёшь обыск у Прокопа.

– Основание?

– Я вижу, Савельев ты совсем разучился мышей ловить! – нахмурил лоб генерал, – основания придумаешь сам, а где и что искать, я подскажу.

Обыск Павел проводил лично, и перед началом спросил у Прокопа:

– Гражданин Прокофьев храните ли вы в доме запрещённые законом предметы, которые вы бы хотели добровольно выдать?

– В доме ничего противозаконного я не держу, – ответил Прокоп. Он кивнул на антресоли, на кухне: – Приятель мой занёс недавно чемодан, что в нём находится, я не знаю.

В чемодане лежали три ношенных свитера, пара брюк, а так же пистолет ТТ китайского производства, две обоймы с патронами к нему, и пакет с тремя граммами героина. Прокоп

цию. Она поражает клетки иммунной системы, из-за чего её работа нарушается и развивается синдром приобретённого иммунного дефицита (СПИД). В результате чего организм перестаёт сопротивляться заболеваниям, которые легко переносятся человеком с нормально функционирующей иммунной системой, (ангина, ОРВ, герпес). Смерть наступает от одного из таких заболеваний.

⁵ Смотриющий – (воровской жаргон), уголовный авторитет, уполномоченный решать вопросы, отнесённые к ведению воров в исправительном учреждении.

⁶ «Положенец» – в воровской иерархии одна из высших категорий преступников, главнее которой только «вор в законе».

⁷ «Грев» – денежная и материальная помощь заключённым передаваемая их сообщниками с воли.

пояснил, что чемодан принёс знакомый по кличке «Муля», просил подержать у себя десять дней.

В протоколе обыска, Савельев факт добровольной выдачи чемодана не отразил, а понятия присутствующие при обыске, о таких юридических тонкостях и не слышали. Они расписались в протоколе, дали объяснения, что чемодан был, обнаружен на антресолях, в нём нашли пистолет и пакет с каким-то порошком. Прокоп же по старой воровской традиции от всех подписей в бумагах отказался.

Муля – он же Мулин Николай Егорович, за день до обыска умер от передозировки героином в одном из наркоманских притонов, такую смерть наркоманы зовут «сладкой».

На суде Прокоп утверждал, что заявил о добровольной выдаче чемодана, а вызванный в качестве свидетеля Павел Савельев это категорически отрицал. Понятые, на суде о чемодане что-то припоминали, но о добровольной выдаче ничего сказать не могли. Судья же задавал им вопросы таким образом, что выходило – полицейские сами нашли чемодан на антресолях. В итоге Прокоп получил пять лет строгого режима.

– За что ты меня Паша? – спросил Прокоп, когда конвоиры выводили его из зала суда. В дверях он оглянулся и крикнул: – Бог тебе судья Савельев!

Присутствовавший в зале заседаний Борька Сазонов, после того как Прокопа увели, хлопнул Пашу по плечу:

– Не переживай, ты сделал свою работу, а вор должен сидеть в тюрьме.

– Нужно было её в камеру опустить, – отвлёк Павла от размышлений Борька Сазонов, – оскорбление сотрудника полиции безнаказанным оставлять нельзя.

– Боря, у неё недавно муж в «зоне» помер.

– Ты таким тоном это говоришь, будто это мы его убили! – недовольно заморгал Сазонов.

– Ну, руку к этому мы приложили, – вздохнул Савельев, – Прокоп сам мне говорил, что он в «зоне» долго не протянет.

– Ты ещё скажи, что он невинно пострадал!

– Выходит так, – Савельев закурил сигарету. Затянувшись и выдохнув дым, продолжил: – С формальной стороны...

– Вот именно что с формальной! – перебил Борис. Он тоже закурил: – Прокоп не безвинный ангел, а преступник! На нём грехов, как блох на уличной собаке. Да, в том случае, суд над ним был неправым. Но с точки зрения наивысшей справедливости, он получил своё. Сколько зла он причинил людям?! Десятки раз он уходил от суда, потому что не было у нас улики против него.

– Так ведь Боря, это мы с тобой виноваты, что не смогли собрать их.

– Знаешь что, ты эти христовы проповеди для попов оставь! – взвился Сазонов. Он затушил недокуренную сигарету в пепельнице: – Я на земле работаю, а не сижу в кабинете и бумажки подшиваю. В том, что возможности оперативной работы ограничены процессуальными рамками, не моя вина.

Видя, что Павел собирается возразить, он выставил руки вперёд:

– Не спорю, «суров закон, но это закон». Однако если я как опер уверен, что человек преступник, а процессуально доказать это не могу, то почему бы не срезать угол?! В этом и есть сущность оперативных комбинаций. Я повторяю, всегда действует принцип наивысшей справедливости: «Каждому своё». Преступник должен сидеть в тюрьме.

Сазонов улыбнулся:

– Или я не прав, не по-божески это? Однако верно говорят уголовники: «Бог далеко, а жизнь близко».

– До сегодняшнего дня, я думал, так же как и ты, – Савельев затушил окурок в пепельнице, – а сейчас, хочу сказать тебе: «Борис, ты не прав!»

Спор помешали продолжить заглядывающие в кабинет оперативники. Было без пятнадцати семь, пора проводить вечернее совещание, и распускать сотрудников по домам. Павел взял трубку прямого телефона с дежурной частью:

– Игорь, объяви сбор личного состава уголовного розыска у меня в кабинете, – велел он оперативному дежурному.

Тут же в динамике громкой связи раздалось:

– Внимание, личному составу уголовного розыска собраться в кабинете три – один.

Дверь открылась, и гурьбой ввалились оперативники, рассаживаясь на стульях.

– Сейчас подхожу к отделу, – стал рассказывать Саня Семёнов, вихрастый паренёк лет двадцати двух, – выскакивает из наших дверей баба в белом пуховике, и шаст на дорожку, прямо под колёса автомобиля.

– И что? – спросил Сазонов, посмотрев на Павла.

– «Скорая помощь» быстро подъехала, – ответил смуглый как цыган Коля Черкашин.

– Интересным боком жизнь поворачивается, – покачал головой Сазонов.

– Это ты о чём?! – не понял Черкашин.

– Да так, о своём, – пожал плечами Борис.

– Ладно, начнём, – постучал шариковой ручкой по столу Савельев.

Город в ночи рассыпался множеством огней: окна в домах, уличные фонари и неоновые вывески. Словно тысячи светлячков в ночи, на дороге сплошным потоком движется свет автомобильных фар. В этой жёлтой реке, резко вспыхивали синие проблесковые маячки «скорой помощи».

4. Блаженны плачущие

Первая практика в медицинском институте начинается сразу после сдачи зимней сессии на первом курсе. Студентов направляют в больницы города. Доцент кафедры хирургических болезней Юрий Кветов был куратором такой группы первокурсников. Его группа на практику направлена в Больницу скорой медицинской помощи. Естественно все студенты рвались в отделение неотложной хирургии, потому Кветов это дело на самотёк не пустил, и распределял студентов по отделениям сам, как считал нужным. Весь первый день практики, он был со своими студентами, а вечером собрал группу в отделении неотложной хирургии.

– Итак, друзья мои, ещё раз хочу провести с вами маленький инструктаж, – начал он, когда студенты утомнились, – прошу отнестись к моим словам со всей серьёзностью, ибо написаны они кровью наших пациентов. Если вам поручили доставить пациента в кресле каталке на другой этаж, то вы обязаны в точности выполнять маршрут, который указал вам врач, не менять его по-своему усмотрению, ибо у вашего пациента может оказаться аллергия на запах каких-либо медицинских препаратов, а вы об этом не знали. Хочу вам сказать, что именно эта практика покажет вам, не ошиблись ли вы в выборе профессии. Дорогие друзья, я желаю вам успехов в вашей первой практике.

В этот момент к группе подошёл заведующий отделением.

– Юрий Константинович, не откажите в помощи, – сказал он, – доставлена пациентка с переломом атланта⁸.

– Юрий Константинович, а можно нам присутствовать на операции? – спросила миниатюрная первокурсница с ярко-рыжей чёлкой, выбивающейся из-под медицинской шапочки.

– Хорошо, – кивнул Кветов, – но предупреждаю, находясь в операционной, вы должны спрашивать о каждом своём шаге у операционной сестры.

После операции, в ординаторской Кветов пил коньяк со своим бывшим однокурсником Андреем Бородиным, заведующим отделением неотложной хирургии в Больнице скорой медицинской помощи.

– Признаться, завидовал я тебе в институте, – улыбнулся Бородин. Нервотрёпка прошедшего дня позади, а коньяк приятно расслабил тело и ударил в голову, вот и потянуло поговорить по душам: – Ну а как же, профессорский сынок, учиться легко, потому что все преподаватели друзья отца.

– Мне было не легче, чем всем остальным, – пожал плечами Кветов.

– Это я со временем понял, – улыбнулся заведующим. Он разлил остатки коньяка и вздохнул: – Только и сейчас я завидую тебе.

– Вот тебе раз! И почему?

– Потому что ты врач от Бога, и у тебя это в крови. Вон как с этой Прокофьевой играючи сложнейшую операцию провёл. Повезло бабёнке, не окажись ты рядом, сидеть бы ей в инвалидном кресле.

– Ну, положим, ты врач не хуже меня...

– Э, перестань, – вяло махнул рукой Бородин, – я в лучшем случае костоправ, со средней квалификацией, а ты мастер.

– Не принижай себя.

– Я тебе говорю как есть, – усмехнулся Бородин. Он взял со стола сотовый телефон: – Ладно, это всё лирика. Пора по домам, а после коньячка за руль нельзя. Ну что вызываем такси?

⁸ Атлант – так в медицине именуется первый шейный позвонок у человека. Он имеет форму кольца и находится под затылочной костью.

– Я не поеду, – Кветов встал и надел пальто, – сегодня у Владислава день рождения, зайду на могилу.

– Понятно, – кивнул Бородин и неловко замолчал, потому, как не знал, что сказать по этому поводу.

В семье Кветовых полтора десятка лет назад произошла трагическая история, поломавшая жизнь брату Юрия и родителям: Владислав Кветов отдыхал как-то на даче с друзьями. В компании были три девицы, и Владислав уединился с одной из них. На следующий день, та заявила в милицию об изнасиловании. Следователь прокуратуры, который вёл дело, прямо предложил Владиславу заплатить девице, и она напишет встречное заявление. Да тот упёрся – изнасилования не было!

Потом в городской газете появилась разгромная статья о «золотой молодёжи», которая насилует порядочных девушек. Упоминались имена профессоров Константина и Надежды Кветовых. Шум из-за этой статьи поднялся большой, и никто из влиятельных друзей супругов Кветовых не соглашался помочь их сыну. Владислав был осуждён на девять лет. Он отсидел три года и умер. В свидетельстве о смерти было указано: «причина смерти – инсульт». Весьма распространённый диагноз у осуждённых. Даже если у зека живот вспорот, и кишки наружу торчат, всё равно, причина смерти: «инсульт».

Гибель сына подкосила родителей. Спустя год, в день рождения Владислава Кветова, умер его отец, через два месяца мать. Теперь они все вместе лежат на Воскресенском кладбище. На главной аллее центрального городского кладбища у Кветовых целый угол, где покоятся пять поколений этого семейства, и все врачи, очень много среди них профессоров медицины.

Тихо и спокойно зимней ночью на кладбище. Юрий сидел на скамеечке у могил родителей и брата, пил коньяк и вспоминал о том, как отец любил повторять:

«Существует наивысшая справедливость в жизни каждого человека, и воздаётся ему по делам его».

– Ну и где эта наивысшая справедливость?! – вопрошал Юрий, глядя на фотографию отца на памятнике.

Естественно ответа он не дождался, и пошёл прочь с кладбища в город. Выйдя за ворота, Юрий перестал думать о мёртвых, а стал размышлять о живых:

«Завтра с утра нужно заехать к этой прооперированной женщине. Как её фамилия? Кажется Прокофьева».

Кветов шёл по пустынной улице, перечисляя дела, которые ему завтра предстоит совершить за день, а позёмка заметала его следы.

Совещание Савельев закончил без десяти восемь вечера. Распустив оперов, он взглянул на часы и подумал, что перед сном ещё успеет поиграть со своими сыновьями, и вдруг в его мозгу молнией сверкнула мысль:

«Пять лет назад, как раз в это самое время, Прокоп освободился из «зоны» и пришёл ко мне на отметку».

В то время Павел был начальником отделения зональных оперативников. Его кабинет был как раз напротив нынешнего. Они с Прокопом разговорились о жизни.

– Знаешь Паша, – разоткровенничался Прокоп, – моя жизнь как одноколейка, захочешь развернуться, да рельсы не дадут.

– А повернуть хочется? – полюбопытствовал Савельев.

– Чего уж сейчас об этом?! – как от зубной боли поморщился Прокоп. Немного подумав, продолжил: – Доведись жизнь прожить заново, по-другому бы зажил, но судьба не магнитофонная лента, заново не перемотаешь.

Прокоп закурил сигарету и продолжил:

– Мне ещё лет десять прожить нужно, и самое главное на воле.

- Почему ты отмерил себе такой срок?
- Больше у меня не получится, – усмехнулся Прокоп, – но мне и десяти лет хватит.
- Что собрался сделать за это время?
- Пацанов своих на путь истинный наставлю, – Прокоп затянулся сигаретой. Выпустив дым, продолжил: – Двое их у меня. Без отца пропадут. Много желающих найдётся засрать им мозги разговорами о моём воровском авторитете. Не хочу, что бы дети пошли моей дорогой, только я смогу удержать их от этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.